

ОЧЕРКЪ

возникновенія Женскаго при Симбирской чувашской школѣ училища.

(Изъ докладной записки Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа. Перепечатано изъ Церковныхъ Вѣдомостей за 1893 годъ № 24, стр. 893—902).

Дѣло христіанскаго просвѣщенія чувашъ было-бы далеко не прочнымъ и не полнымъ, если бы только ограничивалось одной мужской половиной. Послѣдняя, потерявши устойчивость своихъ народныхъ воззрѣній, сдѣлалась podatливою чужимъ вліяніямъ, между тѣмъ какъ женская половина твердо держится старыхъ чувашскихъ обычаевъ и понятій.

У чувашъ, живущихъ исключительно семейно-бытовою жизнью, женщина имѣетъ такое же значеніе, какъ и мужчина, и даже, пожалуй, большее. Она принимаетъ одинаковое съ мужчиной участіе въ полевыхъ работахъ, она занимаетъ главную роль въ домоводствѣ, она является воспитательницей своихъ дѣтей, ей видная роль отводится и въ языческихъ вѣрованіяхъ, относящихся къ сохраненію счастья дома. Но, принимая такое дѣятельное участіе въ жизни семьи, она почти никогда не выходитъ за предѣлы своей семьи и своей деревни. Въ силу такого своего положенія, женщина является болѣе консервативнымъ, устойчивымъ, сравнительно съ мужчиной, элементомъ семьи. Эта женская стойкость, въ виду магометанскихъ и раскольническихъ вліяній, въ своемъ родѣ теперь является благодѣтельно охранительной, но со временемъ можетъ быть немаловажнымъ препятствіемъ при предполагаемомъ развитіи среди чувашъ христіанскаго воспитанія. Въ будущемъ представляется неизбежнымъ разладъ семейный, когда мужъ будетъ искренно и усердно проникнуть воззрѣніями и убѣжденіями христіанскими, а жена неотступно будетъ держаться своихъ старыхъ понятій и обрядовъ. Съ послѣднимъ, при самыхъ лучшихъ и счастливыхъ условіяхъ просвѣщенія мужской половины населенія, придется рано или поздно считаться, почему

прочность, а отчасти и успѣшность всего дѣла просвѣщенія можетъ зависѣть въ значительной степени и отъ того, въ какомъ состояніи будетъ находиться женщина среди чувашъ. Поэтому, чтобы православіе сдѣлалось для чувашъ дѣломъ общенароднымъ, не мужскимъ только, но и женскимъ, нужно озаботиться о христіанскомъ воспитаніи и чувашскихъ дѣвочекъ. Эта мысль, еще болѣе 30 лѣтъ тому назадъ ясно сознавшая просвѣтителемъ инородческихъ племенъ Н. И. Ильминскимъ, легла въ основу системы просвѣщенія и среди чувашскаго племени. Но въ началѣ дѣятельности по просвѣщенію чувашъ эта задача являлась только однимъ желаніемъ, которое могло осуществиться подъ условіемъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Вопросъ объ открытіи женскаго училища былъ поднятъ впервые графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, въ 1876 г., въ бытность его Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Онъ считалъ неотложной необходимостью открыть женское чувашское училище въ объемѣ курса двухклассныхъ сельскихъ народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для приготовления учительницъ для женскихъ сельскихъ чувашскихъ школъ. Покойному графу представлялось болѣе цѣлесообразнымъ открыть такое женское училище не въ городѣ, а въ чувашской или чувашско-русской деревнѣ. По его приказанію собраны были свѣдѣнія о тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ возможно было бы открыть предполагаемое женское училище. Но при этомъ открылось много неудобствъ для учебно-воспитательнаго дѣла, даже при большихъ матеріальныхъ затратахъ на устройство и надлежащую постановку женскаго чувашскаго училища, въ случаѣ открытія послѣдняго въ любомъ изъ намѣченныхъ селеній; пришлось на время отказаться отъ открытія училища и въ городѣ, такъ какъ въ это время наступила война 1877 года. Несмотря на это, въ 1878 году сами обстоятельства вынудили открыть женское училище въ видѣ особаго женскаго отдѣленія при мужской центральной Симбирской школѣ.

Мужская школа, просуществовавъ 10 лѣтъ, за этотъ періодъ приучила уже чувашское населеніе смотрѣть на Симбирскъ, какъ на центръ просвѣщенія его: отсюда шли переводы церковно-богослужебныхъ книгъ, здѣсь совершались

нѣкоторыя молитвословія и богослуженіе на родномъ языкѣ, здѣсь, наконецъ, учили дѣтей чувашь.

Въ 1877 и 1878 годахъ стало извѣстно среди чувашскаго населенія, что при Симбирской центральной чувашской школѣ предполагалось открыть женское училище. Стали поступать просьбы о принятіи дѣвочекъ въ эту школу. Но неимѣніе средствъ и отсутствіе лица, которому можно было бы поручить ближайшій надзоръ за такой школой, на время останавливали ея открытіе. Въ августѣ 1878 года пріѣзжала въ Симбирскъ одна 18-лѣтняя дѣвушка изъ села Городищъ, Буинскаго уѣзда, которая нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ училась въ нѣкогда существовавшей въ Городищахъ, но въ это время уже закрытой, женской школѣ. Эта дѣвушка и ея старшій братъ, пріѣхавшій съ нею, настоятельно просили инспектора дать возможность какъ ей самой, такъ и другимъ тремъ подругамъ ея получить воспитаніе въ духѣ православной Церкви. Анастасія—такъ имя этой дѣвушки—при этомъ говорила, что онѣ въ своей школѣ немного узнали и учиться уже теперь имъ дальше не у кого, а между тѣмъ она съ своими подругами желаетъ основательно знать Законъ Божій и Христову вѣру; при этомъ она не скрывала, что родители какъ ея, такъ и подругъ не согласны на ихъ дальнѣйшее ученіе и, безъ сомнѣнія, будутъ противъ его,—но общала уговорить ихъ согласиться. Нѣсколько позднѣе другая дѣвушка, по имени Варвара, родомъ изъ села Сунчелева, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, обратилась къ учителю Симбирской центральной чувашской школы Сергѣю Тимрясову (онъ былъ родомъ изъ того-же уѣзда, бывшій язычникъ, принявшій православіе и, по окончаніи курса въ Казанской учительской семинаріи, былъ опредѣленъ въ Симбирскую чувашскую школу) съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писала слѣдующее: „Я желаю учиться грамотѣ въ женской школѣ; говорятъ, что въ ней ученіе будетъ хорошее. На поѣздку въ Симбирскъ имѣю отъ матери благословеніе, отъ старшаго брата позволеніе. У меня есть желаніе научиться Закону Божію, потому-то я крѣпко и задумала ѣхать въ Симбирскую школу. Наша семья не поступаетъ противъ вѣры Христа истиннаго Бога, крѣпче мы не поклоняемся; живемъ только съ вѣрою въ истиннаго Бога. Зачѣмъ я хочу въ Симбирскую школу? Я

вотъ въ свою сельскую школу ходила учиться, но люди стали говорить: развѣ ты, грамотѣ научившись, въ монахини хочешь идти? потому-то мнѣ въ своей школѣ какъ будто стало стыдно учиться. Чистопольскаго уѣзда, Ишалькинскаго Тимрясова Сергѣя умоляю, ради Бога, похлопочи обо мнѣ! Найди мнѣ мѣсто, чтобы научиться грамотѣ. Эй, Сергѣй! не оставь безъ вниманія моей просьбы, укажи мнѣ путь къ познанію воли Божіей. Если мнѣ тамъ въ Симбирской школѣ найдется мѣсто, то я, чтобы отправиться учиться, возьму метрическую справку (отъ священника) и билетъ изъ волостного правленія. Если въ Симбирскѣ не будетъ Тимрясова Сергѣя, то той же Ишалькинской деревни Павла Яковлева (изъ крещеныхъ татаръ воспитанникъ старшаго класса Симбирской школы) прошу, пусть проситъ за меня старшихъ себя. Если Павла Яковлева нѣтъ, то ты, Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, Тихвинской волости, деревни Малаго Сунчелеева крестьянина Якова Матвѣева сынъ, Петръ Яковлевъ (ученикъ средняго класса, родомъ изъ сосѣдняго села) хлопочи. Если Сергѣя и Павла Яковлева не будетъ въ Симбирскѣ, ты, Петръ, настойчиво проси старшихъ себя воспитанниковъ, большихъ начальниковъ и учителей, вѣроятно, учителей тамъ нѣсколько, а говори ты только нужное, только говори въ чувашской школѣ учителямъ. Эй, Петръ! это письмо дай Сергѣю и Павлу Яковлеву, если они въ Симбирскѣ; я слышала, что Сергѣй поступилъ учителемъ въ Симбирскѣ. О Павлѣ Яковлевѣ я слышала, что онъ въ Симбирскѣ, но, не зная, въ какомъ мѣстѣ, въ какой школѣ онъ учится, я къ тебѣ обратилась; если бы я точно знала, то прямо бы къ главному учителю написала. Вотъ я, Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, Старомокшинской волости, села Сунчелеева, крестьянина Мирона Аванасьева дочь, вамъ толкомъ говорю, что желаю учиться въ Симбирской женской школѣ. Я дѣвушка 20 лѣтъ, а имя Варвара Миронова. Эй, Сергѣй Тимрясовъ! когда ты возьмешь въ руки это письмо: будетъ ли, не будетъ ли мѣста для ученья—ради Бога—мнѣ, Варварѣ, письмомъ отвѣть. Эта дѣвушка дѣйствительно вполне разумная, за нее писалъ Миронъ Ивановъ 25 октября 1878 года“.

Въ половинѣ сентября 1878 года въ Симбирскую чувашскую школу привезли трехъ дѣвочекъ, круглыхъ сиротъ.

Одна изъ нихъ родомъ изъ Буинскаго уѣзда, другая изъ Цивильскаго, а третья изъ Ядринскаго; братъ послѣдней учился въ Казанской учительской семинаріи. Затѣмъ вскорѣ учитель Семенчинской школы, Чебоксарскаго уѣзда, содержимой братствомъ св. Гурія, Максимъ Петровъ, привезъ 6 дѣвочекъ, возрастомъ отъ 8 до 12 лѣтъ, родомъ изъ деревни Семенчиной и с. Тюрлемы, гдѣ существуетъ инородческое Министерства Народнаго Просвѣщенія училище.

Въ концѣ сентября, когда я уѣхалъ изъ Симбирска и былъ по дѣламъ службы въ Казани, пришла въ Симбирскъ вышеупомянутая дѣвушка Анастасія съ двумя своими подругами—Евѣиміей и Анной—всѣ три почти однихъ лѣтъ. Родители не пускали ихъ, поэтому онѣ стали думать о томъ, какъ бы имъ тихонько убѣжать отъ родителей. Задавшись этой мыслью, стали дожидаться удобнаго случая уйти и захватить съ собою необходимыя вещи. Въ одно время онѣ собрались у своего сельскаго оврага посоветоваться о бѣгствѣ; матери узнали объ этомъ и пришли туда; увидавши матерей, дѣвушки разбѣжались по домамъ. Но вотъ въ день Покрова Пресвятой Богородицы онѣ отпросились у родителей сходить помолиться въ другое село; родители отпустили ихъ. Онѣ отправились въ Симбирскъ, прошли въ первый день около 40 верстъ и къ ночи пришли въ русское село Крестниково. Тамъ онѣ остановились у одного крестьянина, но семейные его почему-то имъ показались страшными, поэтому онѣ ушли отъ этого крестьянина и остановились у другого. На другой день онѣ вышли изъ этого села и до разсвѣта прошли около 7 верстъ. Несмотря на то, что у нихъ было много грудныхъ украшеній изъ серебряныхъ монетъ, онѣ не боялись идти. Послѣ онѣ рассказывали, что во время пути до разсвѣта пѣли церковныя пѣсни, притомъ, боясь погони родителей, онѣ шли не большой дорогой, а стороной; такимъ образомъ въ два дня онѣ прошли около 70 верстъ.

Послѣ нихъ задумали идти въ Симбирскъ еще три дѣвушки—одна изъ Городищъ, а двѣ изъ деревни Аксы. Но въ селѣ Нагаткинѣ ихъ нагнали родители и двухъ изъ нихъ обратно увезли домой, а Городищенская дѣвушка спряталась подъ нары и по отъѣздѣ подругъ пришла въ Симбирскъ. Но одна изъ увезенныхъ опять убѣжала въ Сим-

бирекъ. Послѣ этого изъ Чистопольскаго уѣзда пріѣхали двѣ дѣвушки, а въ Чистопольскомъ уѣздѣ въ это время было мало грамотныхъ не только изъ дѣвочекъ, но и изъ мальчиковъ. Этотъ уходъ дѣвушекъ изъ дому былъ не исключительнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода за Городищенскими дѣвушками пріѣхали въ Симбирскъ родители съ искреннимъ намѣреніемъ увести дочерей домой, но родителей кое-какъ уговорить все-таки удалось, ссылаясь на то, что обратно отпустить ихъ безъ инспектора никакъ нельзя. Когда отцы уѣхали домой, вскорѣ пріѣхали за дочерями матери, опять съ тою же цѣлью и тѣми же требованіями. Произошла въ высшей степени трогательная встрѣча. Матери прожили вмѣстѣ съ дочерями два дня и въ это время не мало было высказано дочерямъ упрековъ, укоризнъ и даже угрозъ за то, что онѣ покинули родительскіе дома. „Доселѣ неслыханное дѣло, говорили матери, чтобы чувашскія дѣвушки убѣгали въ городъ. Подумайте о томъ, за кого вы послѣ выйдете замужъ“? Грустна и полна трагизма была сцена прощанія матерей съ дочерями, сопровождавшаяся плачемъ и рыданіями, сцена, характеризующая переживаемый чувашскимъ племенемъ важный историческій моментъ—паденія отжившаго мрачнаго шаманства и замѣны его полнымъ жизни и силы православіемъ, приносящимъ съ собою чувашамъ свѣтлую будущность. Много печальнаго заключаетъ въ себѣ всякое переходное время, и совершающійся на нашихъ глазахъ переломъ религіозной жизни чувашъ не обходится безъ того. Дѣвушки, послѣ нѣкотораго колебанія и душевной борьбы между чувствомъ любви къ матерямъ и желаніемъ учиться, твердо и рѣшительно отказались ѣхать домой. На нихъ не подѣйствовали ни угрозы, ни мольбы матерей, которыхъ съ большимъ трудомъ удалось успокоить.

16 октября 1878 года я пріѣхалъ изъ Казани, а отцы Городищенскихъ дѣвушекъ уже ждали меня въ Симбирскѣ два дня; они все еще не отказывались отъ своего намѣренія взять дочерей домой. Добрые и простодушные чуваша, изъ которыхъ каждому было подъ 60 л., говорили мнѣ: „отпусти ты нашихъ дочерей, не нужно намъ ученья, безъ него мы проживемъ, какъ жили наши отцы и дѣды.

Другое дѣло—мальчишки: они могутъ учиться“. Слѣдуетъ замѣтить, что эти Городищенскіе чувашки—люди весьма состоятельные. Доводы и убѣжденія мои долго не могли по-дѣйствовать на нихъ, жалко было ихъ видѣть. Наконецъ, не имѣя уже надежды уговорить и успокоить отцовъ, я сказалъ, что могутъ взять дочерей, если только онѣ сами захотятъ ѣхать домой, но что я насильно не согласенъ отправлять ихъ и имъ того дѣлать не совѣтую, такъ какъ это было бы грѣшно передъ Богомъ. Дѣвушки опять рѣшительно отказались. Тогда чувашки уступили и, прощаясь со мной, между прочимъ, высказали слѣдующія замѣчательныя слова: „должно быть Богомъ такъ написано и опредѣлено; пусть наши дочери учатся. Выростили, вспоили мы ихъ, а теперь отдаемъ въ твои руки, смотри за ними строго, береги ихъ доброе имя, не обезславь, не опозорь наши доселѣ честныя незапятнанныя семьи и роды. Пусть онѣ ходятъ по-чувашски, какъ дома, не одѣвай ты ихъ въ русское платье“. Одновременно съ Городищенскими дѣвушками изъ Чебоксарскаго уѣзда пріѣхала сестра одного изъ учителей Симбирской чувашской школы—Васильева, которая раньше училась грамотѣ дома.

Въ концѣ октября и въ началѣ ноября изъ Городищъ прибыли еще три дѣвушки, изъ которыхъ двухъ привели сами родители, а третья ушла противъ воли родителей. Въ ноябрѣ же по зимнему пути изъ села Сунчелеева, отстоящаго болѣе 200 верстъ отъ Симбирска, прибыла вышеупомянутая дѣвушка Варвара съ своей подружкой Евфросиніей, которыхъ привезъ братъ первой. Обѣ дѣвушки дома самоучкой, при помощи одного весьма религіознаго Сунчелеевского чуваша Мирона Иванова, научились кое-какъ читать по-чувашски, по-русски же онѣ ни слова не знали. Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1878 года всѣхъ дѣвушекъ набралось 19. Таково происхожденіе женскаго училища, которое должно было положить начало христіанскому просвѣщенію чувашской женщины, а потому и образованію православної семьи, и въ которомъ должны были приготовляться учительницы для чувашскихъ женскихъ школъ.

Женское училище начало свое скромное существованіе подъ названіемъ женскаго отдѣленія при мужской центральной чувашской школѣ и сохраняло оное до 1 іюля

1890 года, когда было переименовано въ женское чувашское училище при школѣ. Ближайшій надзоръ и наблюденіе за нимъ, а также обученіе русскому языку и рукодѣлію приняла на себя моя жена, выросшая и воспитавшаяся въ семьѣ Н. И. Ильминскаго, съ малолѣтства постоянно привыкшая видѣть у послѣдняго мужчинъ-инородцевъ и даже женщинъ-инородокъ, обращавшихся съ своими нуждами къ Николаю Ивановичу.

По тѣснотѣ помѣщенія составившееся женское отдѣленіе пришлось помѣстить въ однѣхъ стѣнахъ съ учениками.

Родители, съ своимъ завѣщаніемъ не обезславить, не опозорить дочерей, мѣстное общество, слѣдившее за возникновеніемъ необычнаго дѣла и наконецъ, сознаніе отвѣтственности передъ начальствомъ за вновь возникшее учебное заведеніе,—все это, вмѣстѣ взятое, невольно указывало на то тяжелое бремя, которое должно было лечь на руководителей школы. Нужна была твердая вѣра въ прочные устои народной нравственности и чистоту стремленій учащихся, чтобы принять на себя отвѣтственность за все дѣло просвѣщенія. Переживаемый моментъ въ жизни Симбирской чувашской школы былъ важенъ, и одного внѣшняго, хотя бы и слишкомъ бдительнаго надзора, конечно, было бы недостаточно для правильнаго развитія христіанскаго просвѣщенія, если бы въ основѣ стремленія учащихся къ просвѣщенію не лежало религіозно-нравственныхъ началъ. Въ жаждущихъ духовнаго просвѣщенія чувашахъ нельзя было замѣтить ни гордости, ни сознанія какого-то племеннаго достоинства, во имя котораго должно было двигаться чувашское племя впередъ по пути развитія, но проявлялось только одно смиреніе и сознаніе нищеты духовной.—Въ виду такого душевнаго состоянія все дѣло просвѣщенія естественно становилось на религіозно-нравственную почву, съ присоединеніемъ русскаго патріотическаго вліянія. Чувашское племя въ моментъ своего религіозно-нравственнаго пробужденія, распадалось на двѣ части, изъ «которыхъ одна, инстинктивно чувствуя лучшее въ православіи, болѣе тяготѣла къ русскому племени; а другая, живя среди татаръ магометанъ и видя въ магометанствѣ лучшія, сравнительно съ языческими вѣрованіями, начала религіозной жизни, тяготѣла къ татарамъ и ихъ быту. Благодаря такой сильной

религіозно-нравственной основѣ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ внѣшней жизни школы, получились счастливые результаты. За все время существованія школы не было и нѣтъ ни одного такого случая, за который бы пришлось давать отвѣтъ передъ Богомъ, совѣстью, родителями учащихся, обществомъ и начальствомъ.

При такомъ положеніи дѣла, ближайшей и необходимой задачей являлось разъединеніе мальчиковъ отъ дѣвочекъ, и эта задача стала вскорѣ выполняться. Въ началѣ 1884 года съ аукціона продавался старый, но крѣпкій деревянный домъ, принадлежавшій ремесленному графа Орлова-Давыдова училищу. Этотъ домъ былъ приобрѣтенъ мною и на прилегающемъ къ усадьбѣ школы мѣстѣ, купленномъ также мною, былъ выстроенъ, но уже не въ такомъ видѣ, какъ онъ существовалъ раньше, а несравненно обширнѣе онъ былъ выстроенъ въ три этажа, длина его 20 саж., а ширина 6 саж. Какъ только домъ былъ выстроенъ хотя и не былъ еще вполнѣ отдѣланъ, въ него перевели мальчиковъ, а дѣвочки остались въ томъ помѣщеніи, гдѣ раньше жили, т. е. въ деревянномъ флигелѣ. Осенью же слѣдующаго года мальчики были переведены въ средней этажъ вновь выстроеннаго моего собственнаго дома, а все женское отдѣленіе въ верхней этажъ, гдѣ находится и до настоящаго времени.

Не будь этого дома, съ женскимъ отдѣленіемъ пришлось бы переносить массу неудобствъ и въ учебномъ и въ воспитательномъ отношеніи, да, пожалуй, оно не могло бы и существовать; теперь же не испытывается этихъ неудобствъ не только въ отношеніи учительской мужской школы, такъ какъ самый многочисленный первый классъ помѣщенъ въ этомъ домѣ: здѣсь онъ учится, здѣсь имѣетъ спальную комнату, здѣсь же имѣетъ и столовую въ нижнемъ этажѣ, съ приспособленной кухней. Женское отдѣленіе съ 1878 года по 1881 годъ содержалось на частныя средства незабвеннаго Н. И. Ильминскаго, а частью на личныя мои средства. Всѣ воспитанницы помѣщались въ это время въ деревянномъ флигелѣ при домѣ чувашской школы, пользовались готовымъ столомъ, а одѣвались въ свое платье.

Предметы обученія въ женскомъ отдѣленіи съ 1878 по 1881 годъ были тѣ же, что и въ начальномъ училищѣ. Всѣ

учащіе въ женскомъ отдѣленіи не получали за свой трудъ никакого вознагражденія до 1881 года, кромѣ особой помощницы наставницы Лебедевой, русской по происхожденію, но знавшей чувашскій языкъ, которая приглашена была мною осенью 1879 года съ платой по 150 руб. въ годъ при готовомъ моемъ содержаніи.

Съ марта 1881 года на женское отдѣленіе назначаемо было отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по 1975 руб., изъ которыхъ расходовалось на содержаніе преподавателя Закона Божія, наставницы и учителя церковнаго пѣнія—525 руб., а затѣмъ вся остальная сумма на учебныя пособия и принадлежности, на отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги, на содержаніе воспитанницъ, на приобрѣтеніе и ремонтъ класной мебели, кровати и постельныхъ принадлежностей и другія хозяйственныя нужды. Съ 1878 года по 1892 годъ включительно обучалось и окончило курсъ 110 дѣвочекъ.

Въ 1890 году, когда Высочайше было утверждено положеніе о чувашской учительской школѣ, женское отдѣленіе не вошло въ положеніе и должно было закрыться, такъ какъ ранѣе ассигнованная сумма въ количествѣ 1975 руб. была зачислена въ счетъ штатной суммы, назначенной на содержаніе мужской школы. Съ 1881 по 1890 годъ оно состояло уже изъ двухъ классовъ съ курсомъ сельскихъ двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; предметами обученія въ ней были—Законъ Божій, церковное пѣніе, славянскій и русскій языкъ, ариѳметика, письмо, чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и рукодѣліе; кромѣ того, въ старшемъ классѣ дѣвочки обучались краткой исторіи и географіи.

Женское отдѣленіе постепенно развивалось и утверждалось въ религіозно-миссіонерскомъ духѣ и направленіи и изъ Симбирска распространяло христіанское просвѣщеніе по Симбирской, Самарской, Казанской и Уфимской губерніямъ. Женское отдѣленіе приобрѣло большое сочувствіе со стороны чувашъ, которые стали уже охотно отдавать своихъ дочерей въ Симбирскую школу. Бывшія воспитанницы женскаго отдѣленія, многія уже замужемъ за священниками, діаконами и учителями, бывшими воспитанниками Симбирской чувашской школы и Казанской учительской семинаріи;

нѣкоторыя за простыми грамотными крестьянами-чувашиами, а воспитанницы въ настоящее время состоятъ учительницами и помощницами послѣднихъ частью въ сельскихъ женскихъ школахъ, частью въ мужскихъ и частью въ смѣшанныхъ. Всѣ эти ученицы, воспитанныя въ религіозно-просвѣтительномъ духѣ и направленіи, разносили и разносятъ христіанское ученіе по всѣмъ закоулкамъ и глухимъ мѣстностямъ чувашскаго населенія, чѣмъ, конечно, служатъ великому дѣлу просвѣщенія инородцевъ.

Въ виду того, что сумма въ количествѣ 1975 руб., съ 1881 года отпускаяшаяся Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, была зачтена положеніемъ 1890 года въ счетъ общей штатной суммы, назначенной на содержаніе Симбирской чувашской учительской школы, я ходатайствовалъ передъ г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа объ открытіи особаго женскаго училища при школѣ, взамѣнъ женскаго отдѣленія, принимая расходъ по женскому училищу на частныя средства. Министерство Народнаго Просвѣщенія сочувственно отнеслось и одобрило это ходатайство, но вмѣстѣ съ тѣмъ не признало возможнымъ, въ виду послѣдовавшаго уже увеличенія содержанія Симбирской учительской школы, отпускать какое-либо пособіе изъ казны на содержаніе женскаго при ней училища какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Со времени утвержденія положенія 6 февраля 1890 года, женское отдѣленіе должно было существовать на частныя средства, на которыя и существовало съ 1890 по 1892 годъ, почему въ это время учителя и наставница не получали жалованья и занимались съ воспитанницами безвозмездно, а особо назначенная помощница наставницы, бывшая воспитанница женскаго отдѣленія, окончившая курсъ въ 1889 году, получала жалованье.

Но въ концѣ іюня 1891 года Ваше Высокопревосходительство, осчастлививъ своимъ посѣщеніемъ Симбирскую чувашскую учительскую школу и бывшіе при ней въ это время педагогическіе курсы, обратили вниманіе на женское училище и соблагволили съ своей стороны помочь ему матеріально. А нужда въ помощи была настоятельная. За это время приходилось расходовать только на самыя необходимыя нужды, понизивъ даже объемъ преподаванія до курса начальныхъ училищъ. Эти расходы были на содер-

жаніе воспитанницъ, отопленіе, освѣщеніе, учебныя пособія и принадлежности, чистку бѣлья, баню, на жалованье помощницъ воспитательницы, бывшей воспитанницъ Симбирскаго женскаго отдѣленія.

Въ 1892 году отъ Вашего Высокопревосходительства были получены 2000 руб. на женское училище, съ условіемъ вѣчнаго поминовенія въ церкви Чувашской школы усопшей рабы Божіей Параскевы; деньги эти обращены въ неприкосновенный капиталъ и на нихъ приобрѣтены % государственныя бумаги, а съ 1 іюля 1892 года по 1 іюля 1893 года ассигновано Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 2700 руб., изъ которыхъ въ отчетномъ году получено 1350 руб. (таковая же сумма получена въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года). Какъ поступленіе денегъ, такъ и ихъ расходованіе совершались и совершаются черезъ Симбирское губернское казначейство въ установленномъ законномъ порядкѣ, на что имѣются оправдательные документы, которые своевременно отправлены для ревизіи въ контрольную палату, а также подробный отчетъ о приходо-расходныхъ суммахъ былъ представленъ преосвященнѣйшему Варсонофію, епископу Симбирскому и Сызранскому, 23 февраля сего 1893 года за № 181.

Въ текущемъ 1892—93 учебномъ году женское училище состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій, въ которыхъ обучается 50 человѣкъ: 41 дѣвочка и 9 мальчиковъ; въ 1 отдѣленіи 25 дѣвочекъ и два мальчика; во 2-мъ—16 дѣвочекъ и 7 мальчиковъ; дѣвочекъ изъ чувашъ 37, изъ русскихъ 4, 8 мальчиковъ чувашъ и одинъ русскій, 9 малолѣтнихъ мальчиковъ приняты въ женское училище по особо уважительнымъ причинамъ изъ мѣстностей, подверженныхъ вліянію магометанства. Въ 1 отдѣленіи дѣвочки учатся 2-й годъ, во второмъ 4-й годъ; въ будущемъ 1893—94 г. число учащихся должно увеличиться на 25 человѣкъ и женское училище будетъ состоять изъ 3-хъ отдѣленій; 7 мальчиковъ нынѣшняго II отдѣленія поступятъ въ I классъ учительской школы, а 2 мальчика остаются въ женскомъ училищѣ.

Всѣ эти 50 учащихся пользуются бесплатно готовымъ помѣщеніемъ, столомъ, учебными принадлежностями, баней, чистой бѣлья, носятъ свою одежду.

Съ начала текущаго 1892—93 учебнаго года вводится въ женское училище прежній курсъ преподаванія учебныхъ

предметовъ въ размѣрѣ курса двухклассныхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія училищъ, именно: Законъ Божій, церковное пѣніе, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, краткая русская исторія и географія, руководѣліе, чистописаніе, рисованіе и черченіе.

Такимъ образомъ, предметы расходовъ въ 1893 году сравнительно съ предыдущими 2½ годами должны расширяться, такъ какъ помимо обычныхъ расходовъ на пищу, отопленіе, освѣщеніе и т. п. хозяйственныя и учебныя нужды, расходы должны быть на содержаніе учащихся, а также и учащихся, число которыхъ увеличится во второй половинѣ 1893 года.

Въ заключеніе отчета считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о постановкѣ воспитательнаго дѣла за все время существованія женскаго училища. Неоднократно выше приходилось замѣчать, что чувашскія дѣвушки воспитывались въ религіозно-нравственномъ направленіи.

Если въ отношеніи мужскаго отдѣленія свято соблюдались слова покойнаго государственнаго мужа графа Д. А. Толстого, что „сперва должно идти Евангеліе, а потомъ наука“, то въ дѣлѣ просвѣщенія чувашскихъ женщинъ этотъ завѣтъ соблюдался еще болѣе, такъ какъ цѣлью воспитанія всегда было только то, чтобы православіе черезъ женщинъ стало для чувашъ дѣломъ семейнымъ и общенароднымъ. Въ виду необходимости параллельнаго и одновременнаго просвѣщенія какъ мужской, такъ и женской половины чувашскаго населенія, всегда считалось однимъ изъ основныхъ принциповъ то положеніе, что *женщины не должны воспроизводить въ своемъ просвѣщеніи формъ мужскаго образованія, а должны развивать преимущественно тѣ стороны народной и общественной жизни, которыя свойственны женскому полу.*

Значеніе женщины главнымъ образомъ сосредоточивается въ семьѣ и домѣ. Семейное положеніе дѣтей, лежащее, въ первые годы жизни послѣднихъ, исключительно на матери, равно хорошее веденіе домашняго быта, составляютъ почву и основу общественной жизни, а потому образованіе и воспитаніе чувашскихъ дѣвицъ сосредоточивались преимущественно на двухъ предметахъ: на христіанскомъ нравственномъ воспитаніи и на приученіи къ правильному домоводству, включая въ послѣднее домашнее хозяйство и

внѣшній уходъ за дѣтьми. Такимъ образомъ въ женской чувашской школѣ при обученіи отводилось главное мѣсто преподаванію христіанскихъ религіозныхъ истинъ и церковному пѣнію. При преподаваніи Закона Божія было рассчитано на то, чтобы путемъ уроковъ и богослуженія утвердить въ воспитанницахъ извѣстное религіозно-нравственное настроеніе, и черезъ преподаваніе русскаго языка, краткой исторіи и географіи привить имъ чувства уваженія къ русскому народу. Для приученія къ хозяйству дѣло ставилось такъ, чтобы чувашскія дѣвицы, подъ руководствомъ опытныхъ хозяекъ и руководѣльницъ, исполняли въ школѣ всѣ домашнія обязанности относительно чистоплотности въ своихъ помѣщеніяхъ, кройки и шитья своего бѣлья и всей одежды и разныхъ другихъ незатѣйливыхъ и нещегольскихъ руководѣлій, именно такихъ, которыя примѣнимы и полезны въ сельскомъ быту; а также упражнялись бы на кухнѣ, приготовляя хлѣбъ, квасъ и пищу простую, но питательную и вкусную. Такъ-какъ при сказанномъ направленіи уроки Закона Божія, церковнаго пѣнія и руководѣльныя и хозяйственныя занятія требовали весьма значительнаго времени, то невозможно было требовать, особенно на первыхъ порахъ, сколько-нибудь обширнаго знанія свѣтскихъ предметовъ. Изъ нихъ, впрочемъ, болѣе вниманія всегда было обращено на русскій языкъ и ариметку, а исторія и географія, а также главнѣйшія свѣдѣнія о произведеніяхъ и явленіяхъ природы стояли какъ бы на второмъ планѣ.

Сколь ни важно въ домѣ знаніе, образованіе и умственное развитіе, но знаніемъ сейчасъ перечисленныхъ свѣтскихъ предметовъ приходится нѣсколько жертвовать, въ виду болѣе важныхъ и существенныхъ предметовъ—религіознаго и хозяйственнаго воспитанія, такъ какъ чувашская семья не даетъ дѣтямъ никакой въ этомъ отношеніи подготовки. Въ будущемъ, вѣроятно отдаленномъ, когда вообще просвѣщеніе чувашскаго населенія повысится и когда воспитанницы сельскихъ школъ поведутъ болѣе разумнымъ образомъ свое хозяйство, семью черезъ воспитаніе дѣтей и установятъ лучшіе семейныя понятія и навыки, тогда и программа всѣхъ предметовъ въ женскихъ чувашскихъ школахъ, а особенно въ Симбирскомъ женскомъ училищѣ, какъ центрально-образцовомъ, должна еще больше расширяться и приблизиться къ программамъ соотвѣтственныхъ русскихъ заведеній.

Обыкновенный ежедневный распорядокъ жизни воспитанницъ женскаго училища таковъ. Утромъ воспитанницы встають въ 6 час., умываются и въ 6½ час. отправляются на молитву, которая совершается въ порядкѣ расположенія молитвъ въ православномъ молитвословѣ, изданномъ съ благословенія Святѣйшаго Синода. Послѣ молитвы завтракають и идутъ въ классъ, гдѣ до 8 часовъ просматривають уроки. Въ 8 часовъ начинаются уроки и оканчиваются въ 1½ час. Передъ началомъ уроковъ поется молитва „Царю небесный“, отъ 8 до 11 час. классныя занятія, отъ 11 до 11½ большая перемѣна, отъ 11½ до 1½ классныя занятія, въ 2 часа обѣдъ, отъ 2 до 3 прогулка, работы и игры на той части двора, которая прилегаетъ къ помѣщенію женскаго училища, отъ 3 до 5 занятія руководѣлемъ или спѣвка, отъ 6 до 8½ приготовленіе къ урокамъ, отъ 8½ до 9 ужинъ, затѣмъ вечерняя молитва, которая совершается въ порядкѣ молитвослова; отъ 9 до 10 время свободное отъ занятій, въ 10 ложатся спать. Въ случаѣ надобности всѣ онѣ, кромѣ дежурныхъ по классу, исполняютъ нѣкоторыя работы на дворѣ и въ саду подъ надзоромъ помощницы наставницы. Во время отъ 6 до 8½ ч. воспитанницы должны приготовить всѣ заданныя къ слѣдующему дню уроки, каковыя готовятъ подъ руководствомъ наставницы и ея помощницы, а также исполняютъ работы, заданныя на болѣе продолжительный срокъ—пишутъ русскія грамматическія упражненія, задачи съ объясненіемъ по математикѣ и т. п.

Время отъ 9 до 10 часовъ вечера передъ сномъ предназначается исключительно для легкихъ женскихъ занятій, а также чтенію книгъ, рисованію и пѣнію. Всякое свободное время посвящается вязанію, кройкѣ и шитью.

Въ 10 часовъ вечера тушатъ лампы въ классахъ и всѣ воспитанницы ложатся спать. Черезъ 10 дней (по вторникамъ и пятницамъ) воспитанницы ходятъ въ баню съ помощницей наставницы. Для поддержанія чистоты въ комнатахъ—классныхъ и занятной, а равно и въ спальняхъ, устанавливаются дежурства, по двѣ смѣны въ недѣлю. На обязанности дежурныхъ лежитъ: во 1-хъ, мыть и мести полъ въ классныхъ и другихъ комнатахъ; во 2-хъ, отворять фортки, а въ теплое время окна въ классахъ и спальняхъ въ то время, когда нѣтъ воспитанницъ: въ 3-хъ, поддерживать

температуру въ классахъ отъ 16—17° Р. и въ спальняхъ отъ 17—18° Р., отворяя тепловые отдухи. Словомъ, воспитанницы сами заботятся о домоводствѣ, исполняя всѣ женскія работы въ этомъ отношеніи.

Для чтенія на молитвахъ соблюдаются очереди, по особому распisanію. Наканунѣ праздничныхъ дней всегда совершается всеобщее бдѣніе въ домовой при школѣ церкви настоятелемъ ея священникомъ о. Василиемъ Никифоровымъ. За всеобщей, литургіей, совершающимися частію по-славянски, а частію по-чувашски, всѣ воспитанницы поютъ нѣкоторыя молитвословія.

О. Василій Никифоровъ во всякое благопотребное время говоритъ на чувашскомъ и русскомъ языкахъ поученія съ церковной кафедры, касаясь различныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни. Всѣ воспитанницы въ страстную седмицу говѣютъ и приобщаются Святыхъ Таинъ. Между собой воспитанницы живутъ дружно, скромно и вполне похристіански; изъ нихъ, по выходѣ въ жизнь, выходятъ скромныя жены, хорошія матери, трудолюбивыя женщины; будутъ ли онѣ за мужемъ за священниками, будутъ ли за учителями, будутъ ли за обыкновенными грамотными крестьянами, при всякихъ условіяхъ жизни онѣ несутъ свои обязанности съ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ.

Г. Симбирскъ. 10 мая 1893 г.